

РУССКАЯ НЕДЕЛЯ.

(LA SEMAINE RUSSE)

ЖУРНАЛЪ

Политики, Литературы и Искусства.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ :

А. И. ГРАММАТИКОВА, М. А. КУРДЮМОВА, В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО, П. А. НИКАШИНА и Е. П. СЕМЕНОВА

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА :

Банковская Панама	ФРАНКОРУССА.
Около Наслѣдства Петра Великаго ..	П. НИКАШИНА.
Порванная цѣпь	В. Н. ЛОДЫЖЕНСКАГО.
Начало Корниловскаго движенія	Е. СЕМЕНОВА.
Часы заката	М. КАЛЛАШЪ.
Политическое Обозрѣнiе.	
Среди печати.	
Хроника.	
Page française	
Объявленія.	

ВЫХОДИТЬ ПО СУББОТАМЪ.

Цѣна 1 фр. 50 с.

РЕДАКЦІЯ : 47, Rue Brancion, Paris (15^e)

КОНТОРА : 27, Rue Claude-Lorrain, Paris (16^e)

Въ часы заката.

”Забудутъ наши голоса, наши лица и сколь-
насъ было...”

(”Три сестры”).

II

Вообразимъ на минуту, что въ то время, когда князь Андрей Болконскій лежитъ на Аустерлицкомъ полѣ и, глядя въ вѣчное небо, по новому осмысливаетъ для себя и свое бытіе, и весь міръ,—вообразимъ, что къ нему приближается не Наполеонъ, показавшій-

ся ему тогда такимъ кукольно — маленькимъ передъ необъятностью вѣчнаго неба, а родившійся на полтора вѣка позднѣе Чеховъ. Чеховъ — врачъ, заботливо, умѣло и ласково дѣлаетъ ему перевязку, а Чеховъ — писатель, Чеховъ — интеллигентъ, желая успокоить раненаго, отводить его взоръ отъ тревожащихъ небесныхъ глубинъ и говорить ему о томъ, какъ "жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасна" въ будущемъ, послѣ "великихъ завоеваній цивилизаціи", послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и изобрѣтенія летательныхъ аппаратовъ!

И не покажется ли умный, добрый, въ высшей степени *гуманный* Чеховъ, воспитанный полутаровѣковымъ, по сравненію съ эпохой князя Андрея, *прогрессомъ*, не покажется ли онъ князю Андрею еще болѣе маленькимъ, чѣмъ ищущій суетной славы среди кровавыхъ завоеваній Наполеонъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не вызоветъ сомнѣній, если читатели вспомнятъ, что говоритъ Толстой о переживаніяхъ князя Андрея на Аустерлицкомъ полѣ, и что говорятъ всѣ самые благородные герои Чехова, и что говорилъ и въ своихъ произведеніяхъ и въ своей перепискѣ ихъ авторъ, стоявшій, несомнѣнно, выше своихъ персонажей.

Одно — исканіе прежде всего вѣчной правды и высшаго смысла жизни, какъ для отдѣльнаго личнаго человѣка, такъ и для совокупности этихъ личностей въ человѣчествѣ. Другое — исканіе временныхъ благъ культуры и цивилизаціи, какъ какой-то цѣлительной примочки для улучшенія временной человѣческой жизни.

Для чеховскихъ героевъ, для чеховской интеллигенціи совершенно закрыто небо. Оно было закрыто уже для цѣлой эпохи, для цѣлаго поколѣнія, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно отрѣзало себя и отъ творческой и бытовой полноты предшествовавшего періода русской жизни и культуры.

Съ вѣрой въ "прогрессъ" и "свободой" отъ "мистическихъ" и иныхъ предразсудковъ, остался одинокимъ чеховскій интеллигентъ. Оглянувшись назадъ: цѣлая груда черепковъ отъ разбитыхъ имъ большихъ и малыхъ цѣнностей прошлаго:

Тутъ и небо князя Андрея, свернутое какъ старый брезентъ, тутъ и цѣлая полѣница срубленныхъ, еще до Чехова и при Чеховѣ, "вишневыхъ садовъ", и благоухаютъ ихъ срѣзанные цвѣты "Дѣтствомъ и отрочествомъ", "Дворянскимъ Гнѣздомъ", крѣпкимъ бытомъ бабушки Татьяны Марковны изъ "Обрыва" и тѣмъ

ея клубничнымъ вареньемъ, которымъ она, во исполненіе закона о широкомъ гостепріимствѣ, приказывала своему внуку Борису Павловичу Райскому кормить вольнодумнаго Марка Волохова. Но тутъ не одно бабушкино варенье: вмѣстѣ съ розовымъ платьемъ Марейники, съ трагическимъ померанцевымъ букетомъ Вѣры, съ монастырскимъ молитвенникомъ Лизы Калитиной, лежатъ и молитвенникъ Алеши Карамазова, и, наконецъ, муки самого Достоевскаго, проклинавшаго оспoprививательный прогрессъ Европы во имя отвергаемой этимъ прогрессомъ небесной вѣчности. А око-ло Достоевскаго скорбный ликъ русскаго Іереміи, Гоголя, злобно распятаго своими "прогрессивными" современниками и на многострадальномъ образѣ его, точно кровавыя раны отъ гвоздей, — чернильныя кляксы знаменитаго письма "неистоваго Виссаріона" — основоположника и кумира будущей передовой интеллигенціи.

Надъ этимъ всѣмъ, какъ воспоминаніе о радостно - прекрасной молодости, какъ привѣтъ далекой и забытой весны, какъ отъ звукъ величественно мощной симфоніи, стоитъ Пушкинъ и его созданія — эта "Пѣснь пѣсней" великаго разсвѣта русской культуры.

Нужны ли всѣ эти сокровища идейно - опустошенной интеллигентской душѣ?

Духовно - скопческій позитивизмъ заставляетъ отречься отъ религіозныхъ исканій Достоевскаго и Гоголя, а своеобразный аскетизмъ новой матеріалистической вѣры съ ея уравнительными догматами внушаетъ, если не всегда отвращеніе, то во всякомъ случаѣ идейное отчужденіе отъ многоцвѣтной полноты Пушкинскаго жизневоспріятія.

И оскудѣваетъ содержаніемъ новый интеллигентскій міръ, пришедшій на смѣну старой дворянской культурѣ.

Когда проходятъ медовые мѣсяцы первоначально чисто идейнаго кипѣнія, а затѣмъ и нѣкоторыхъ практическихъ попытокъ переустроить жизнь, начинается періодъ тихой чеховской тоски.

Ея характерная черта — сознаніе своей обреченности и покорность этой обреченности.

Самъ Чеховъ, какъ образъ, какъ типъ, быть можетъ, наиболее полное воплощеніе господствующаго настроенія своей (и когда-то нашей) эпохи. Даже самая болѣзнь его — этотъ туберкулезъ, медленно съѣдающій его прежде крѣпкій организмъ, болѣзнь, ко-

торую онъ переносить съ грустной покорностью, является какъ бы символомъ духовнаго недуга его современниковъ.

Припомните его біографію, перелистайте его письма. Сначала тяжкая, напряженная борьба выбивающагося на поверхность жизни человѣка. Потомъ поверхность эта достигнута: всѣми признанный и очень любимый писатель. Неизбѣжныя непріятности и обиды въ общемъ покрываются большимъ и широкимъ успѣхомъ. Успѣхомъ спокойнымъ, не крикливымъ и сегодня возносящимъ человѣка на высоту, а завтра выбрасывающимъ его въ обмѣнъ на новаго героя "литературнаго сезона".

И, однако, не трудно подмѣтить въ Чеховѣ вѣчно сосущее его внутреннее безпокойство. Не только необходимость приспособлять больной организмъ къ болѣе благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, — а что то еще иное заставляетъ его постоянно перемѣнять мѣста на мѣсто, то по Европѣ, то по Россіи, то пересѣкать Азію и предпринимать сложное путешествіе по океану. Эти перемѣщенія его не удовлетворяютъ: изъ Ялты онъ стремится за границу куда-нибудь на югъ Франціи, но и тамъ ему не по себѣ и онъ мечтаетъ ѣхать въ Африку, потомъ на подмосковную дачу ловить рыбу, откуда ѣдетъ отдыхать на волжскомъ пароходѣ, а съ волжскаго парохода опять въ Ялту, которая черезъ двѣ недѣли ему опротивѣетъ и онъ станетъ называть ее своей "теплой Сибирью". Между прочимъ, Чеховъ очень много путешествовалъ, и удивительно слабый слѣдъ впечатлѣній оставили на немъ и быть чужихъ странъ и ихъ культура и ихъ природа. По крайней мѣрѣ, по письмамъ его, нигдѣ не видно, чтобы это прикосновеніе къ широкому міру Божьему и человѣческому его глубоко захватывало, радсвало, волновало или возмущало, вызывало въ немъ какой-нибудь творческій откликъ. Въ этомъ отношеніи онъ единственный, пожалуй, русскій писатель, который, видя чужую жизнь, совершенно на нее не отозвался: или не нашелъ къ ней ключа, или просто не искалъ его. Его младшіе современники И. А. Бунинъ, въ своей заграничной поѣздкѣ почерпнулъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній — "Господинъ изъ Санъ-Франциско", у Чехова же только по многочисленнымъ помѣткамъ разнообразныхъ адресовъ на его письмахъ, можно догадаться, что онъ пишетъ не изъ Россіи. Это былъ кочующій русскій интеллигентъ съ крѣпко западнымъ нутромъ, въ которое не могли войти никакіе чужіе просторы, никакіе иные звуки, кромѣ печально - однообразной мело-

дія русскихъ "сумерекъ". И, если онъ хотѣлъ уйти отъ самого себя, ему это не удавалось, и вѣчная неудовлетворенность томила его душу, которая непрестанно и мучительно рвалась изъ сегоднешняго дня въ завтрашній.

Его герои несутъ на себѣ крестъ не только неудовлетворенности, но и какой-то роковой неудачливости. У cadaго изъ нихъ свой надрывъ, своя жизненная бѣда, свое неизбежное "сорвалось" въ той или иной точкѣ ихъ бытія. Андрей Прозоровъ, братъ "трехъ сестеръ", готовится стать профессоромъ и ученымъ, по словамъ автора, имѣя на это всѣ данныя, и погрязаетъ въ пошломъ семейномъ быту, при этомъ не приносящемъ ему даже искорки радости. У него "сорвалось" и такъ и доживетъ свой вѣкъ хроническимъ секретаремъ земской управы. Баронъ Тузенбахъ носитъ военный мундиръ, который его тяготитъ, и почти въ тотъ часъ, когда онъ этотъ мундиръ снимаетъ, чтобы начать новую жизнь, его убиваютъ на нелѣпой дуэли. Сестры Ольга, Ирина и Маша мечтаютъ о Москвѣ и ни одной изъ нихъ не суждено порвать съ надѣвшимъ имъ городомъ, куда ихъ случайно забросили обстоятельства.

Особенно часты эти "срывы" въ области личнаго счастья. Всѣ герои Чехова любятъ несчастно и почти всегда "не въ попадѣ": Соня въ "Дядѣ Ванѣ" любитъ Астрова, который ее не замѣчаетъ, дядя Ваня влюбляется въ Елену Андреевну, играющую въ чувство въ Астровымъ, Тузенбахъ любитъ Ирину, которая никого не любитъ, но соглашается выйти за него замужъ не то изъ жалости, не то ради "идеи" и желанія приносить себя въ жертву. А на дорогѣ благополучія Маши, пользующейся взаимностью Вершинина, стоятъ, съ одной стороны его семья, ненужная ему совершенно, а съ другой — мужъ Маши, настолько каррикатурно глухой и пошлый учитель гимназіи, что спрашиваешь себя, какое художественное оправданіе нашелъ Чеховъ, чтобы соединить его, безъ особо роковыхъ причинъ, съ мало мальски неглупой и привлекательной женщиной?

Наконецъ, тамъ, гдѣ уже сама жизнь не ставитъ препятствій и счастливая любовь "учителя словесности" Никитина приводитъ къ, казалось бы, счастливому браку — тамъ внутреннее содержаніе одного изъ этихъ любящихъ оказывается почему-то ничтожнымъ и заурядно - мѣщанскимъ, и у другого любовь расфѣивается, точно дымъ папиросы. При этомъ Чеховъ, изображая разоча-

рованіе своего героя Никитина, очень оскорбившагося на то, что его жена вся утонула въ мелочахъ ихъ супружескаго быта и хозяйства, ни въ самомъ Никитинѣ, ни въ его чувствѣ, кромѣ аксессуаровъ банальной молодой восторженности, не обнаруживаетъ абсолютно никакого яркаго и глубокаго содержанія.

Вообще надо сказать, что любовь, въ изображеніи Чехова, которой посвящено не мало страницъ его произведеній, въ глазахъ его читателей опоэтизированная несчастными обстоятельствами, по существу своему почти лишена всякой поэзіи въ *настоящемъ* смыслѣ этого слова. Она бѣдна, убога, она вся сѣренькая и сжатая въ комочекъ, лишенная той глубокой, захватывающей и обновляющей все существо весенней радости и силы, которая пробуждается, напримѣръ, у Левина, когда раннимъ росистымъ утромъ, въ окнѣ проѣзжающаго по дорогѣ дормеза, онъ видитъ и узнаетъ Киту. Не радостна любовь, не радостенъ и трудъ, даже "идейный" на благо дорогого сердцу Чехова "прогресса", на благо завтрашняго дня. Докторъ Астровъ не только лѣчитъ мужиковъ, но еще сажаетъ съ увлеченіемъ лѣсъ, и это не мѣшаетъ ему и тосковать и пить "съ горя"; Ирина, какъ о добровольной Голгофѣ, говоритъ о той школѣ, въ которой она готовится учить на заводѣ простыхъ ребятишекъ; Тузенбахъ же мечтаетъ о работѣ точно о наркозѣ, спасающемъ отъ скучной и томительной жизни; дядя Ваня и Соня, рожденные и выросшіе въ деревнѣ, съ чувствомъ приговоренныхъ къ каторгѣ, принимаютъ, въ концѣ пьесы, за хозяйственные счета и дѣла по имѣнью.

Да, жизнь это лишь томленіе и тщетная погоня за вѣчно обманывающими короткими миражами. "Сегодня" — всегда тоскливое и неподвижное; "завтра" — маняще несбыточное: "въ Москву! въ Москву!"

"Свободная отъ всякихъ предразсудковъ", личность чеховскихъ героевъ удивительно не свободна въ самой себѣ. Она рабски прикована къ внѣшнимъ условіямъ жизни, она съ больной напряженностью слѣдитъ за поворотомъ того колеса, на которомъ, какъ въ рулеткѣ, выскакиваютъ выигрышные или невыигрышные номера. Не выпалъ этотъ счастливый номеръ, и вся жизнь человека пропала и печально катится къ своему концу безъ смысла, безъ цѣли, безъ единого луча своей внутренней радости. Душа ничѣмъ не освѣщена изнутри; нѣтъ въ ней неба, нѣтъ и свѣта, не ощущается присутствіе того Великаго и Вѣчнаго, которое тур-

генебской калѣкѣ Лукерѣ ("Живыя мощи") сообщаетъ чувство глубокой гармоніи и высшей правды міра. У чеховскихъ героевъ страданія ихъ ничѣмъ не оправданы. Они всѣ несчастны, они какіе-то попавшіе подъ колеса жизни и у каждого свой ушибъ, который болитъ ноющей болью. Чувства ихъ тлѣютъ томительно, точно угли засыпанные золой, не вспыхивая яркимъ и мощнымъ пламенемъ. Все ихъ бытіе вообще *тлѣющее*, души у нихъ прищемлены и уязвлены какимъ то прирожденнымъ пессимизмомъ, котораго не разсѣять мечтой полковника Вершинина о "жизни невообразимо прекрасной черезъ двѣсти - триста лѣтъ".

Но у нихъ нѣтъ ропота, ни кипучаго протеста, ни одного сильнаго порыва разорвать сѣренькую паутину жизни какъ бы то ни было и во что бы то ни стало. Они всѣ удивительно интеллигентски благопристойны, послушны обстоятельствамъ и довольствуются, какъ Вершининъ, случайнымъ романомъ съ женой учителя гимназіи, которой онъ мечтательно нацѣваетъ: "любви всѣ возрасты покорны" или говорить торопливо-страстнымъ шепотомъ: "роскошная, великолѣпная женщина!"

Этотъ романъ ничего не сломаетъ ни въ немъ самомъ, ни въ его жизни, и послѣ разлуки съ Машей онъ пойдетъ за своей батареей изъ города въ городъ, сначала взволнованно печальный, потомъ равнодушно покорный своей сѣренькой участи.

Въ изображеніи Чехова герои его несчастны потому, что неудачна и несчастна сама русская жизнь, въ которой нѣтъ достаточно содержанія, т. е. движущей силы благодѣтельнаго "прогресса", ибо только прогрессъ можетъ кикъ то вывести изъ глухихъ угловъ всѣхъ этихъ Астровыхъ и Вершининыхъ, влить въ нихъ энергію и творческую силу, и тогда они не будутъ опускаться и не сопьются, какъ старый докторъ Чебутыкинъ, который ничего не читаетъ, кромѣ газетъ, и совершенно забылъ все то, чему когда то учился. И чеховскій интеллигентъ живетъ съ сознаніемъ, что онъ всего бы могъ достигнуть, но онъ не виноватъ въ своемъ недѣланіи, а виноваты обстоятельства, или, какъ любили прежде говорить,— "окружающая дѣйствительность" и "среда", которая "заѣла".

Чеховъ былъ глубоко убѣжденъ, какъ и всѣ его современники въ роковомъ вліяніи этой "заѣдающей среды", искренно оправдывалъ своихъ персонажей и ему, какъ и всякому типичному интеллигенту, не приходило въ голову, что люди его поколѣнія вялы,

безвольны, дряблы въ своихъ чувствахъ, лишены инициативы, смѣлости и независимости мысли, лишены вкуса къ творческой жизни и чувства подлинной красоты именно потому, что они несутъ отраву въ самихъ себѣ, что они искалѣчены идолопоклонскимъ почитаніемъ "прогресса", стаднымъ отрицаніемъ прошлаго и всѣхъ его великихъ духовныхъ и культурныхъ сокровищъ.

Пѣвцу интеллигенціи въ то время не могло придти въ голову, что эта самая интеллигенція куда то катится по наклонной плоскости, ибо она "непомнящая родства", сама себя лишившая наследства, равнодушная къ корнямъ и творческимъ основамъ своей исторіи, вся "безъ вчерашняго дня", безъ вѣры, безъ родины, безъ быта.

Она докатилась, упала и "паденіе было великое".

Тихая пора чеховскихъ грустныхъ надеждъ на чужое "завтра" смѣнилась потомъ вспышкой жаднаго пожиранія жизни. Прошли Арцыбашевскіе Санины съ проповѣдью разнузданныхъ инстинктовъ, съ призывомъ къ "красотѣ" звѣринаго быта. Но недолго дѣйствовалъ хмѣль: подтачивающій анализъ отравилъ грубую радость животнаго наслажденія и еще глубже вскрылъ жуткую пустоту и бессмыслицу бытія "свободнаго человѣка", въ этой "свободѣ" своей ставшаго рабомъ земли и землѣ обреченнаго. Лицо проповѣдывавшаго религію голыхъ инстинктовъ, на грани "последней черты" вдругъ исказилось отчаяніемъ. Въ рукѣ его сверкнулъ ножъ самоубійцы и загремѣли проклятія, точно камень ударившій по старымъ интеллигентскимъ "скрижалямъ завѣта": Зачѣмъ нужна жизнь, если человѣкъ станетъ достояніемъ червей, на что наука, "строющая кораблики и врачующая волдыри", на что искусство "малюющее картинки", на что вообще вся человѣческая возня и забота о будущемъ міра, если все упадетъ въ черный провалъ небытія?

И въ отвѣтъ не только въ романѣ Арцыбашева, но въ самой русской жизни, въ разныхъ уголкахъ ея захлопали выстрѣлы, закопошились "клубы огарковъ", "клубы самоубійць" и не только молодыя, но даже дѣтскія жизни обрывались, какъ тоненькія ниточки одна за другой. Проклятія все громче и громче раздавались во всѣхъ концахъ русской земли и переходили изъ устъ въ уста. Проклиналась страна, проклиналось государство, проклиналась русская жизнь, русская вѣра. Вся Россія стала "проклятой" и, казалось, что какая-то секта самосжигающихся въ изступленіи

мчится по лицу великой страны, призывая огненный дождь на свою родину.

Дождь пролился. Содомскимъ пламенемъ попалило Россію. Мы, прошедшіе сквозь огонь, оглядываемся назадъ: по пути грѣха, по пути отрицанія "слѣпые вожди вели слѣпыхъ" и тѣ и другіе "упали въ яму". Можемъ ли мы громко судить и осуждать? Нѣтъ — мы сами въ себѣ несли грѣхъ и умножали его.

На этомъ пути грѣха чеховскій періодъ, быть можетъ, наиболѣе заслуживающій не только снисхожденія, но даже жалостливой любви. Въ немъ не было самоувѣренности и злобы, не было жажды активнаго разрушенія. Была грусть, была неопредѣленная тоска тягостныхъ предчувствій, тоска покорности, уже неутолявшаяся вѣрой въ завтрашній день. Да и была ли настоящая вѣра? Скорѣе, пожалуй, только жажда вѣры, исканіе ее. Самъ Чеховъ, читая символъ этой вѣры, не загорался, однако, ея огнемъ настолько, чтобы отбѣнокъ грусти исчезалъ безслѣдно съ его писательскаго и человѣческаго лица.

Чехову суждено было выйти на творческій путь въ вечерніе часы, въ часы заката интеллигентской культуры. И самъ онъ *вечерній писатель* — тихій, задумчивый, безъ рѣзкихъ мазковъ, весь въ полутонахъ, въ мягкихъ краскахъ заката. Все его творчество проникнуто прощальной лаской вечера. Онъ вообще очень ласковъ, искрененъ, правдивъ и простъ, бережно остороженъ къ чужой душѣ, къ чужимъ переживаніямъ даже въ томъ случаѣ, если эти переживанія ему самому чужды. И потому, если бы въ полѣ его зрѣнія, наряду съ его излюбленными героями, случайно попадають люди другого міра, какъ монахъ Іеронимъ ("Святою ночью") или владыка Петръ въ чудесномъ разсказѣ "Архіерей", онъ не пройдетъ мимо нихъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, но освѣтитъ ихъ всѣмъ вниманіемъ своего художественнаго зрѣнія, всей теплотой своей человѣческой симпатіи.

Если Чеховъ въ своемъ творествѣ нарисовалъ картину интеллигентскаго угасанія, далъ образы душевно - раздробленныхъ и безпомощныхъ людей, теперь кажущихся намъ иногда даже пошлыми въ ихъ духовной устѣченности, то самъ онъ воплотилъ въ себѣ несомнѣнно наиболѣе высокія черты не только своей эпохи, но интеллигентскаго періода русской культуры вообще.

Онъ органически не выносилъ ни хвастливаго самолюбованія, ни крикливой самоувѣренности, ни узко - сектантской нетерпи-

мости и злобы. И потому, оглядываясь изъ нашей теперешней жизни въ *ту* жизнь, мы съ искренной любовью смотримъ на да-лекій, но милый образъ Чехова, съ чувствомъ полного пониманія и примиренія прощаемся съ его героями, почти цѣликомъ сошедшими со сцены, невольно любуясь художественными красками послѣднихъ закатныхъ лучей.

М. Каллашъ (Курдюмовъ).